

Андрей Константинов

Решальщики

Книга третья

ДВИЖУХА

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
К65

Серия «Мастера криминальной прозы»
Оформление обложки: *Юлия Межова*

Андрей Константинов
при участии Игоря Шушарина
и Александра Новикова

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Константинов, Андрей Дмитриевич

К65 Решальщики. Книга третья. Движуха / Андрей Константинов.— Москва: АСТ, 2015.— 445, [2] с.— (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17-088631-9

Решальщики вынуждены работать на легализованного криминального авторитета. И решать вопросы им приходится как с представителями уголовного мира, так и с хозяевами крупного бизнеса.

Впрочем, жизнь показывает, что вторые не столь далеко ушли от первых.

«Решальщики. Движуха» — третья книга нового цикла Андрея Константинова.

Подписано в печать 20.11.14.

Формат 70 × 90 1/32. Усл. печ. л. 16,38.

Тираж 4000. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© А. Константинов, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ,

*повествующая о том, что не всякий феникс
из пепла да восстает;
о внеплановой прогулке в Тверь, бодании с Бодулей;
а также о сезонном обострении
у экс-следователя Купцова
и его отнюдь не «экс-» принципах*

Солнечный свет проникал с улицы сквозь плохо вымытые окна.

Внизу стояли автомобили, прогуливался охранник и горела свеча в стеклянном колпаке. Огонек свечи казался желтым лепестком на асфальте.

Где-то Петрухин читал, что пламя свечи символически обозначает душу покойного. Трудно сказать определенно — была ли у господина Образцова, более известного по прозвищу Людоед, душа? Но жизнь, определенно, имелаась. И вот ее-то у него и отобрали. Жестоко отобрали, умело, профессионально...

По правде сказать, Дмитрию нисколько было не жаль ни души, ни жизни Людоеда. Сей персонаж с неприятной кликухой был ему вообще не шибко интересен. Но вот стрелок, который оборвал далеко не образцовую жизнь господина Образцова, напротив, занимал безмерно.

Дмитрий встал возле окна, взялся за шпингалет со следами порошка для дактилоскопии, распахнул

створку. В пыльный чердачный воздух добавились запахи бензина и нагретого асфальта, ворвались приглушенные расстоянием звуки улицы. Петрухин высунулся, посмотрел вниз, «поднял к плечу» воображаемый карабин и «прицелился» в свечу.

— Пошли, что ли? — спросил Костя.

Петрухин молча кивнул, и они стали спускаться вниз.

Туда, где на дне уличного каньона трепетала свеча и алели розы...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Санкт-Петербург, 2011 г.,
16 августа, вт.*

Без государственных на сей раз переворотов, диктатур, катастроф и прочих историко-ассоциативных потрясений догуливал свои деньки обычно нескучный месяц термидор¹. Вместе с ним потихонечку готовилось паковать чемоданы скупое на солнечные улыбки балтийское лето. Всё правильно, пора. Как говорят в народе: «первый Спас — первые проводы лета». А первый, он же — Медовый Спас имел место быть аккурат в минувшее воскресенье...

---

¹ *Термидор* — 11-й месяц французского республиканского календаря («месяц жары»), продолжался с 19/20 июля по 17/18 августа. В переносном смысле слово «термидор» означает любую реакцию против завоеваний революции.

Купцов не любил этого переходного времени года, которое неизменно вызывало в нем одну реакцию — уныние. Почему? Кто знает, кто знает... Положим, для детского возраста подобная реакция еще как-то объяснима — здесь налицо предчувствие надвигающейся учебной каторги. Но ведь и позднее, выросши из детсадовых штанишек и остригши вьюношеские патлы, Леонид все равно продолжал относиться к августу со внутренним предубеждением. На глазах жухнувшая, а всего неделю-другую назад еще полная изумрудной жизни природа нагоняла на Купцова тоску. И чем длиннее становились тени мало-помалу укорачивающихся дней, тем ощутимее становилась она, купцовская тоска. Достигая своего апогея примерно к середине сентября, после чего, с наступлением золотой осени, резко шла на спад. То бишь, когда у всех нормальных людей как раз и начинался сезонный сплин, внутри у Леонида, напротив, устаканивалось и успокаивалось. Вот такая была у него индивидуальная фишка, она же — особенность. Ну да всяк по-своему с ума сходит...

В общем, инспектор Купцов вступил в привычную депрессивную фазу и теперь буквально во всем бессознательно искал знаки и подтверждения навалившегося на него «ужаса нечеловеческого». А кто ищет — тот всегда найдет.

Началось всё с разрыва толком даже не успевших начаться отношений с Яной Викторовной

Асеевой, продолжилось — бесславным финалом «сабельной истории»¹, а чем оно всё успокоится — одному Богу известно. Скорее всего, чем-нибудь столь же негативным. По крайней мере именно на такой исход Леониду недвусмысленно указывал гороскоп, помещенный на предпоследней полосе еженедельника «МК в Питере». С изучения коего он, будучи сегодня «дежурным по *прессе*», начал знакомство с печатными новостями новой трудовой недели.

«Суэта и полная неопределенность августа, как, впрочем, и всех предыдущих месяцев, по-прежнему будет действовать Рыбам на нервы, — зачёл Леонид, акцентируя внимание на пророческую оговорку про „предыдущие месяцы“. — В конце лета представители вашего знака зодиака снова будут подвержены противоречивым устремлениям. Избежать эмоциональной нестабильности можно только одним путем — наконец-то решиться на длительный самоанализ и разобраться в собственных предпочтениях. Процесс сложный и трудоемкий, но его итогом может стать полное понимание сути свершающихся вовне событий, а также перемен, происходящих в личности самих представителей вашего зодиакального знака...»

---

¹ Подробности этих историй читайте в книге «Решальщики. Раскрутка».

— Чего пишут? — откатываясь в кресле от клавиатуры и блаженно, до хруста конечностей потягиваясь, поинтересовался у напарника Петрухин.

— Опять жуют за реформу МВД,— зашелестев газетными страницами, отозвался Купцов.— Щас, погоди, зачту один кусочек... Ага! Вот! «...Пусть и худо-бедно, но к настоящему времени правоохранительные органы очистились от различного рода одиозных личностей».

— «Одиозных» — это типа нас с тобой?

— Вроде того,— подтвердил Леонид и продолжил цитирование: — «Это был пока грубый этап очистки, придется, конечно, еще работать в этом направлении».

— М-дя... По ходу, мы с тобой очень вовремя соскочили. Иначе нас бы всё одно зачистили: либо сначала — грубо, напильничком, либо потом — щадяще, мелкой шкурочкой.

— Шкурочкой — оно все ж таки приятнее.

— Да вы, батенька, мазохист.

— Отнюдь. Просто я сторонник деликатного обхождения. Особенно с ближними своими. Особливо — с непосредственными подчиненными. О! А вот еще один дивный абзац. Зацени, Борисыч! «...Одна из самых важных линий преобразований в МВД — преобразования кадровые, необходимые для продуманного и последовательного омоложения кадрового ядра на всех уровнях, создание эффективных механизмов вы-

движения и продвижения талантливой и высоко- профессиональной молодежи, воспитанной в лучших традициях служения Отечеству, профессионального долга и офицерской чести. И здесь колоссальная роль принадлежит ведомственному образованию, которое в процессе воспитания будет формировать востребованных страной и службой сотрудников МВД России нового типа». Каково?

— Сильный текст,— хмыкнул Петрухин.— А главное — абсолютно универсальный. Если не держать перед глазами первоисточника, нипочем не определишь: в каком году, да что там — в каком веке?! — был сочинен.

— И это лишний раз доказывает, что Новое — это не просто хорошо забытое, но еще и впоследствии слегка переработанное и получившее другой заголовок Старое.

— Знаешь, Лёнька, при чтении подобных материалов — журналистских ли, внутриведомственных ли — на душе вечно возникает нечто нехорошее. Из-за чего мозг, словно защищаясь, пытается отыскать во всем в этом хотя бы зернышко здравого смысла. Ищет, но никак не может найти.

— «Ищут пожарные, ищет полиция... / Ищут они и не могут найти...»? — рассмеялся Купцов.

— Вот-вот. И по этой причине в итоге начинаешь думать о своей Родине... э-э-э-э-э... не совсем так, как оно подобает,— качнул головой

Петрухин и потянулся за подавшим голос мобильным телефоном.

Он всмотрелся в высветившуюся на дисплее фамилию «Зеленков» и далеко не сразу сообразил, кто это. А когда наконец вспомнил, удивленно присвистнул:

— Надо же... Это ж сколько лет прошло?!

С Зеленковым они когда-то начинали службу в районе. В одном — буквально стол в стол — кабинетике. Потом Костя ушел в УУР, в отдел по борьбе с квартирными кражами, а уже оттуда, так и не выслужив пенсии, свинтил на гражданку. Вроде как удачно вписавшись в охрану некоего крутого бизнесмена. С тех пор их пути не пересекались. Пару раз Дмитрий что-то такое слышал о Косте от общих знакомых. Но — не более того. И даже странно, что до сей поры зеленковский номер: а) не изменился; б) продолжал оставаться в петрухинской мобильной памяти.

— Слушаю!.. А-а-а... Здорова-здоровая, Котья! Сколько лен, сколько зин! Чем обязан такому вниманию?.. Хорошо, давай без прелюдий... И насколько серьезное?.. А ты в курсе, что меня со службы, как бы это помягче выразиться... э-э-э-э-э... тоже ушли?.. Даже так? Вот уж не думал, что моя скромная персона в нашем городке настолько обсуждается... В принципе, можно и сейчас. А где?.. Да, я знаю это место. Через часик устроит?.. Договорились...

— С кем это ты стрелки забиваешь? — заинтригованно спросил Купцов.

— Котька Зеленков неожиданно объявился. Бывший опер из «квартирного» отдела. Да ты его должен помнить.

— Зеленков, говоришь?

— Усатый, основательный такой. Шайба — во! — Петрухин изобразил руками размер «шайбы».

— Зеленков... Зеленков... — напряг память Леонид. — А! Кажется, вспомнил. Он мне еще кота голодного вечно напоминал.

— Кота?

— Ага. Хитрованского такого типажа котяру. Постоянно высматривающего: что бы такое украсть. И чего от тебя нужно бывшему квартирному оперу?

— Говорит: дело у него какое-то. Якобы много дороже, чем на сто рублей. Хочешь, вместе на Ваську прокатимся? На три «по»?

— На три чего?

— По-видаемся. По-ностальгируем. По-слушаем.

— А-а-а... Да вроде неудобно — он ведь тебя одного приглашал. Опять же, ну как Брюнету чего приспичит?

— Брось! Котька — свой человек. А за Брюнета обратно не вопрос, сейчас подстрахуемся. — Дмитрий пододвинул к себе телефонный аппарат, набрал три цифры приемной: — Здравствуй!.. Сияешь?.. Отрадно слышать. Солнышко, тут такое дело: нам с Купцовым нужно срочно отлучиться по очень важному делу. Засим, если босс

вдруг станет интересоваться, скажешь, что мы убьли на секретное задание, предварительно поставив в известность... Кого поставили? Тебя, разумеется. Ага... А как же! Спасибо, милая. Целую крепко, ваша репка...— Петрухин положил трубку и заговорщицки подмигнул приятелю: — Вот и все. А ты боялась.

— Так вы с Аллой что? — немного смущенно, потому как дело-то интимное, спросил Купцов. — До сих пор... того?

Дмитрий одарил приятеля снисходительной усмешкой:

— Ты, наверное, хотел спросить, о мой целомудренный друг: продолжаю ли я поддерживать интимные отношения с секретаршей босса? Выражаясь простонародным: трахаемся ли мы по-прежнему? Ответ — нет, отрицательный. А вот продолжаем ли мы поддерживать отношения дружеско-деловые? Ответ — да, положительный. Хотя, конечно, в самой подобной формулировке уже есть что-то извращенно-противоестественное.

— Спорный момент. Вот, к примеру, доктор Астров говорил, что женщина может быть другом мужчины лишь в такой последовательности: «Сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг».

— Доктор Астров? Это который из бюро судебно-медицинской экспертизы на Екатерининском?

— Нет. Это который из «Дяди Вани». Чеховский.

— Не знаю, не читал. Ну так чего, Лёньк, по коням?

— Знаешь, поезжай-ка ты, пожалуй, один.

— Хорошо залупаться! — насупился Петрухин.— Между прочим, ты просто обязан доставить меня к месту встречи.

— Вот чего я совсем не обязан, так это выступать в качестве твоего извозчика. С какой стати?

— С такой, что я намереваюсь встретиться с бывшим собратом по оружию.

— И?

— И что же, по-твоему, на встрече выпускников ГУВД я должен употреблять безалкогольные напитки? Тебе вообще как? Не стыдно?

Последний аргумент крыть было нечем. Так что Леонид досадливо сплюнул и начал переобуваться из кабинетных тапочек в уличные кроссовки.

* * *

Менее часа спустя решальщики и Зеленков сидели на открытой летней веранде ресторана «Мама Рома», что в самом начале островного¹ Среднего проспекта, и вели неспешные разговоры за жизнь, потихонечку подбираясь к главному.

---

¹ Здесь — Васильевский остров.